

В. Г. ТУРКИНА,

*доцент Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского, кандидат философских наук*

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА И СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВ ПАМЯТИ

«Человек без памяти о прошлом социально опасен», — утверждал Д. С. Лихачев. Память *культурная* представляет собой сложную знаковую систему, служащую реконструкции образа прошлого, действительного или вымышленного, и включающую в качестве неотъемлемых элементов базовые для данной культуры тексты и способы их декодирования, позволяющие им сохранять свою осмысленность в различные исторические периоды. Если история в ее классическом понимании создает разрыв между прошлым и настоящим, подчеркивая дистанцию между ними, несходство этих состояний, то память призвана преодолеть этот разрыв за счет подчеркивания преемственности различных культур или различных стадий развития одной и той же культуры.

Основным источником культурной памяти является не очевидец, к которому можно было бы обратиться с уточняющим вопросом, а текст, далеко не беспристрастный, но фиксированный в своих границах, требующий, во избежание вольных интерпретаций, делающих невозможным использование данных текстов в механизмах социальной идентификации, канонизации, то есть уподобления их неким архетипическим образцам.

По словам Ю. М. Лотмана, «тексты, достигшие по сложности своей организации уровня искусства, не могут быть пассивными хранилищами константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами»¹. Современное прочтение классических текстов не только позволяет оценить степень исторического проникновения культуры, но и служит источником генерирования новых смыслов и возникновения новых текстов. Наиболее характерной чертой текста является способность к передаче культурно значимой информации.

Нам представляются особо значимыми так называемые визуальные тексты, в качестве которых могут выступать живопись, скульптура, архитектурные сооружения — разумеется, лишь в той степени, в которой они способны служить элементами культур-

ного кода. Несомненную важность в этом ряду занимает текст городского культурного пространства.

Петербургский исследователь Г. Каганов обозначает характеристики культурного пространства и относит пространство города к важнейшей художественно-семантической составляющей города, придавая ему антропологическое звучание: «Мы реагируем на форму пространства, невольно соотнося ее с размером и формой собственного тела. Соответствие пространства нашему телу может вызывать приятное ощущение чего-то уютного, вроде платья подходящего размера. С другой стороны, пространство может оказаться тесным, опять-таки как тесная одежда. Но оно может быть и огромным, заведомо несоизмеримым с нашим телом. Переживание этой несоизмеримости бывает самым разным — от тяжелого чувства своей ненужности, затерянности в гигантском просторе до восторженного ощущения охваченности большим пространством, почти невесомости в нем, наподобие той радости, которую тело испытывает в воде»². Кстати, вода, заключенная в пространстве города, выступает хранилищем не только природно-космической информации, но и культурных знаков, кодов, реализованных и нереализованных иллюзий, мифов, архетипов (Волга-матушка, священный Байкал, «редкая птица долетит до середины Днепра»).

Вода же выступает едва ли не доминантной пространственной составляющей культурного облика и образа Петербурга. Наполняющая, по выражению Д. С. Лихачева, город до самых краев, она, задавая основу, на которой рисуются все остальные линии, выступает самой, может быть, характерной градостроительной чертой в облике Петербурга — преобладанием горизонталей над вертикалями³.

Городское культурное пространство обладает и символическим значением. В одних случаях оно «врожденное», полученное городом сразу, при самом его создании, в других — «благоприобретенное». С течением времени

¹ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.

² Каганов Г. Санкт-Петербург. Образы пространства. СПб., 2004. С. 13–14.

³ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 262.

такие значения могут сменять друг друга, наслаиваться одно на другое, причем иногда более ранние не исчезают полностью, а просвечивают сквозь историческое время, просеиваются сквозь сито исторической памяти. Это прекрасно передано Ф. М. Достоевским в «Подростке»: «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: “А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото?”»⁴

Есть у городских пространств и чисто художественный смысл, не сводящийся ни к их практическим функциям, ни к их символике. Этот не всегда выразимый вербально, но всегда ощутимый смысл задается прежде всего формой пространства, где немалую роль играют архитектурные стратегии и практики, укрепляющие его связь с другими пространствами, в том числе и с природно-ландшафтными. Вид городского неба над Петербургом, эта полоса соединения линии домов и неба — ломаная, но, тем не менее, достаточно определенно выраженная в своей горизонтальности, дополняется нижней линией — вектором соединения зданий и воды. Д. С. Лихачев вводит понятие *sky line* (небесная линия). Значение *sky line* более широкое, чем линия горизонта, — оно включает линию соединения высоких объектов и неба. Зубчатая линия домов на фоне неба создает впечатление призрачности, эфемерности городской застройки. Эмоциональный удар городского пространства Г. Каганов сравнивает с музыкальным *forte* всего оркестра после сольной партии⁵. И это не случайно, потому что композиция городских локальных культурных пространств создаст в одном объеме то художественное целое, которое сродни слаженному симфоническому оркестру.

Таким образом, исследователи ведут речь о художественной интерпретации городского пространства, оформленного и осмысленного, а не просто случайной, бесформенной и бессмысленной пустоты. Пустота и пространство антиномичны. Пустота не имеет ни внятных границ, ни понятного назначения. Пространство же имеет структуру и форму, которую мы можем не только видеть и осязать, но и «прочитать», путешествуя по городским улицам и площадям.

Культурное пространство Петербурга, возникающее в результате освоения пластичес-

ких динамик — пространственных, зрительных, формирует образ города, его ощущение, его идею. Интересно то, что идея города лучше постигается не столько его жителем, сколько гостем города, совершающим каждодневное путешествие по улицам. Как утверждают исследователи, путешествие — это экспертиза ландшафта перемещающимся в нем индивидом. Целью такой экспертизы является создание все того же образа памяти. С точки зрения познавательных процессов создание образов памяти есть акт мышления, он понимается как освоение мыслимого.

Городские доминанты задают ритм движущимся людским потокам. Нева, на наш взгляд, является важнейшим пространственным организатором, наиболее эффективно воспринимаемой пространственной и ландшафтно-архитектурной, интерьерной доминантой, кульминационным узлом.

Мосты Петербурга превратились в необходимейший компонент стилистики города, его образа. Связывая воедино Природу и Разум, землю и воду, они создали визуальный и духовный образ Петербурга как единого целого, где отдельные части сосуществуют, связанные единой диалогической основой. При этом уникальный композиционный, ансамблевый стиль барочных, классических, ампирных сюжетов подчеркнут современными средствами прямых транспортных магистралей, огнями уличного освещения и дизайнерской подсветки зданий.

Огромное значение для формирования образа города имеет реклама с ее деметрианской мифологемой. С помощью рекламы наше сознание потребляет знаковую сущность предмета, объекта вместо реального функционального свойства: Петропавловка — шпиль, Исаакий — купол, Петергоф — фонтаны. Узнаваемость визуально растрепанных достопримечательностей обеспечивает простоту восприятия образов и создания мифов объектов. Рекламные щиты, баннеры становятся, таким образом, важной составляющей культурного пространства города, активизирующей пространственное творческое воображение. Оно же продуцирует создание образа.

Таким образом, город формирует себя как реальность, воплощенную в камне, в формате визуальных пространственных решений и в пространстве мышления как предмет рефлексии, субъектом которой становятся те, кто выстраивает его культурный образ у себя в памяти.

⁴ Достоевский Ф. М. Подросток. М., 2004. С. 110.

⁵ Каганов Г. Указ. соч. С. 114.